

неаккуратно. Весь механизм городского управления был в руках секретаря, который взымал с заинтересованных лиц тяжелую дань. Прокуроры и адвокаты, а еще более того интенданты провинции (губернаторы) постоянно вмешивались в дела городов и подрывали всякую независимость городских управ.

При таких условиях городские дела все более и более сосредоточивались в руках пяти или шести семей, присваивавших себе львиную часть городских доходов. Вотчинные поборы с крестьян, сохранившиеся за некоторыми городами, доход с городских таможен, торговля города и налоги шли главным образом на обогащение этих семей. Кроме того, мэры и синдики (т. е. головы и члены городской думы) занимались хлебной и мясной торговлей и пускались в спекуляции. Рабочее население обыкновенно ненавидело их. Притом синдики, советники и городские судьи раболепствовали перед «господином интендантом», т. е. губернатором, и исполняли его капризы. Расходы городов на помещение интенданта, на увеличение его жалованья, на подарки ему, на крестины его детей и т. д. все росли и росли, не говоря уже о взятках, которые приходилось ежегодно посылать разным высокопоставленным лицам в Париж.

В городах, как и в деревнях, феодальные, т. е. крепостные, права оставались еще в полной силе. Всякая недвижимая собственность несла на себе феодальные повинности. Епископ продолжал быть феодальным владельцем, и все владельцы, как светские, так и духовные, как, например, «50 каноников в Бриуде», не только сохраняли за собой почетные права, но в некоторых городах они удержали за собой и право суда. В городе Анжере, например, было 16 владельческих судебных округов, где судьями состояли феодальные владельцы этих округов. В Дижоне кроме муниципального суда сохранилось шесть духовных судов: «епископства, капитула и монахов Сент-Бенина, Святой Капеллы, Шартрезы и командорства Св. Магдалины». И все это наживалось на счет полуголодного народа. В Труа было девять владельческих судов помимо «двух королевских мэрий». Точно так же полиция не всегда была в руках города, а очень часто находилась в руках тех, кто отправлял «правосудие». Словом, феодальный порядок сохранился вполне<sup>1</sup>.

Но в особенности раздражали горожан всевозможные феодальные налоги, уцелевшие со времен крепостного права: подушные, «двадцатые» и всякие «субсидии» (*dons gratuits*), ставшие обязательными с 1758 г. и уничтоженные только в 1789 г., а также «*lods et ventes*», т. е. феодальные пошлыны, взимаемые владельцем всякий раз, когда его вассал продавал или покупал что-нибудь. Все это тяжело ложилось на горожан, особенно на ремесленников. Хотя эти платежи и были, может быть, менее значительны, чем в деревнях, но в сумме вместе с другими городскими налогами они оказывались очень тяжелыми.

Особенно возмущало горожан то, что при распределении налогов сотни привилегированных лиц требовали для себя изъятия от податей. Духовенство, дворянство и офицеры были избавлены от податей по праву, но избавлялись от них также и «офицеры королевского дома», т. е. всевозможные почетные конюшие и т. п., покупавшие за деньги эти «должности» без всякой службы, только для удовлетворения своего тщеславия и для избавления от налогов. Достаточно было выставить свой титул на воротах дома, чтобы ничего не платить городу. Понятно, какую ненависть возбуждали в народе эти привилегированные господа.

Все городское управление предстояло, таким образом, преобразовать. Но кто знает, сколько времени оно еще продержалось бы в прежнем виде, если бы дело преобразования было предоставлено Учредительному собранию. Народ, впрочем, взялся за него сам тем более что ко всем указанным причинам недовольства присоединилась летом 1789 г. еще одна - недород, страшно высокие цены на хлеб и недостаток хлеба, от которого сильно страдало бедное население большинства городов. Даже там, где городские управления старались по возможности понизить цены, сами закупаая зерновой хлеб или устанавливая таксу на хлеб, его все-таки не хватало, и толпы голодного народа простаивали целые ночи у дверей булочных.

Во многих городах мэр (голова) и городские старшины, следуя примеру двора и принцев, сами спекулировали на хлебе. Вот почему, как только известия о взятии Бастилии и о казни Фуллона и Бертье распространились в провинции, городское население начало повсюду волноваться. Народ требовал прежде всего таксы на хлеб и мясо; затем толпа громила дома главных спекуляторов - часто

---

<sup>1</sup> См.: *Babeau A* Op. cit, p. 323, 331 et suiv. Рейс в своем сочинении «Эльзас во время революции» приводит наказ третьего сословия Страсбурга, очень интересный в этом отношении (см.: *Reuss R* L'Alsace pendant la Revolution Paris, 1880).